

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотени городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

БУРНЫМЪ ВЕЧЕРОМЪ (стих.).

ШВЕИЦАРСКАЯ ИГРУШКА.

* * * (стих.).

КЪ ТИХОИ ПРИСТАНИ (повѣсть)
АНДРЮША.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

STANDARD BOOKS

NEW YORK

1910

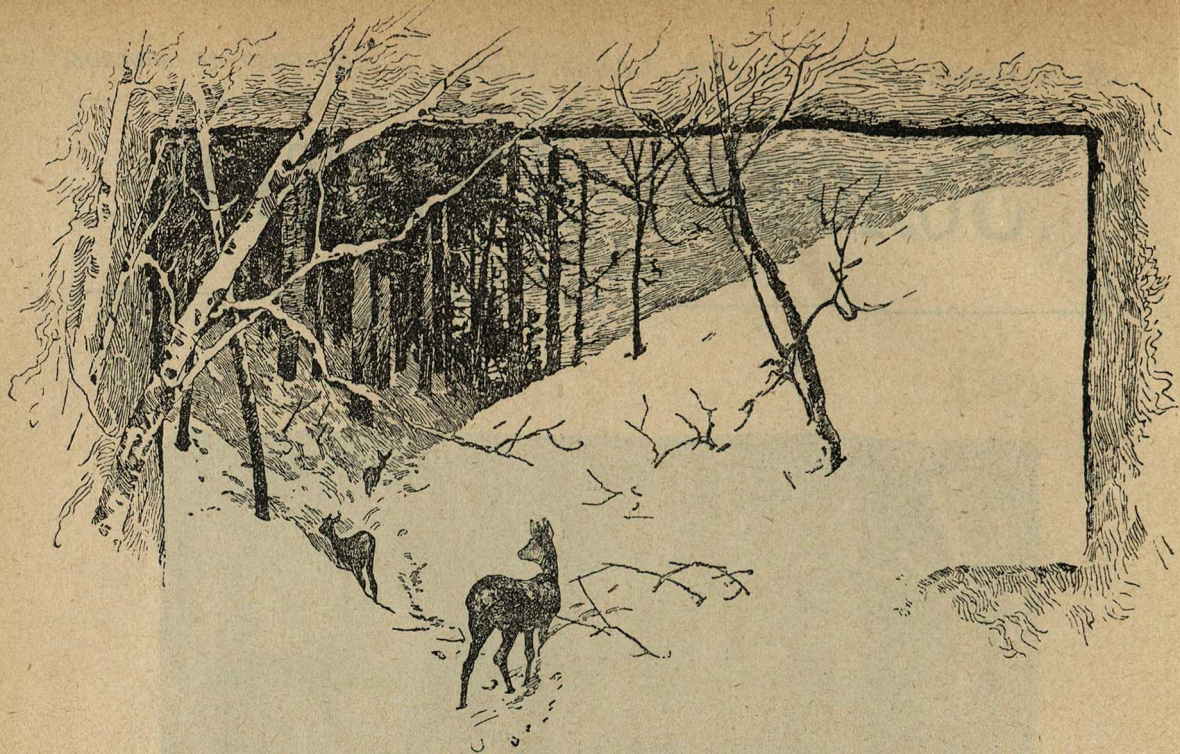
THE
PUBLISHERS
OF
THE
STANDARD
BOOKS
NEW YORK

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Маленькая хозяйка.

БУРНЫМЪ ВЕЧЕРОМЪ.

За окномъ деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Весело играютъ тѣни на коврѣ.
За окномъ сутробы снѣгомъ намело,
Въ комнатѣ уютно, тихо и тепло.
Теплится лампадка и огонь въ печи
На постель бросаетъ красные лучи.
Сумрачныя тѣни спрятались въ углахъ,
Быстро ходятъ спицы въ няниныхъ рукахъ.
— „Няня, а въ саду какъ холодно теперь!
Кто это стучится то въ окно, то въ дверь?“
— „Это вѣтеръ воетъ... А въ саду-то мгла,
Вьюга всѣ дорожки снѣгомъ замела;
За порогъ не выйдешь — свѣта не видать.
Дай-ка я, касатикъ, постелю кровать!
Часъ уже не ранній. Дай я уложу!
Завтра раннимъ рано утромъ разбужу.
Завтра на салазкахъ съѣдешь по горѣ...“
— „Разскажи мнѣ, няня, сказку о царѣ,
О подземномъ царствѣ, гдѣ живетъ Кащей...
Разскажи мнѣ, няня, я засну скорѣй.“
У иконъ лампадка теплится едва
И звучать размѣрно нянины слова:
— „Въ тридевятиомъ царствѣ, не теперь, а встарь,
Въ теремѣ высокомъ жилъ премудрый царь...“
Тихо. Только вьюга злится на дворѣ,
Да блестятъ деревья въ зимнемъ серебрѣ.

Е. Селунская.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ИГРУШКА.

СКАЗКА.

Миша стоялъ у окна, облокотившись обѣими руками о подоконникъ, и тоскливо глядѣлъ на улицу. Весь полъ былъ заваленъ игрушками, которыя валялись въ безпорядкѣ; ему надоѣло въ нихъ играть и онъ скучалъ. Онъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ матери и отца, его баловали и исполняли малѣйшую его прихоть, но все время ему приходилось играть одному, онъ скоро утомлялся и цѣлыми получасами просиживалъ у окна и безучастно смотрѣлъ на улицу.

Вошла няня.

— Ты-бы, Мишенька, убралъ свои игрушки... сказала она. — Вѣдь надо подмести комнату.

Онъ не отвѣтилъ и не пошевелился. Няня подошла къ нему и озабоченно потрогала его за лобъ: нѣтъ-ли жару?

„Что-то онъ скучный сегодня“... подумала она. — „Не боленъ-ли?“

Онъ продолжалъ стоять у окна, а она собрала игрушки въ одинъ уголъ, подмела дѣтскую и вышла.

Игрушки были изысканныя и дорогія. Однѣ изъ нихъ заводились и бѣгали, другія были такъ хорошо сдѣланы, что ихъ нельзя было отличить отъ живыхъ. Среди нихъ была великолѣпно выточенная изъ дерева молодая женщина,

которая вертѣла на пряткѣ колесо и пряла. Она была сдѣлана въ Швейцаріи и прислана Мишѣ его дѣдушкой въ подарокъ. Всѣ удивлялись красотѣ этой игрушки и простотѣ ея механизма. Но она не нравилась Мишѣ, какъ, впрочемъ, и всѣ игрушки, которыя онъ имѣлъ. Онъ надоѣли ему. Онъ былъ сытъ по горло во всѣхъ отношеніяхъ, его уже не удовлетворяло то, что онъ имѣлъ, и, не смотря на свои восемь лѣтъ, онъ чего то хотѣлъ другого, новаго и болѣе интереснаго, чѣмъ то, что имѣлъ.

— Господи, вздыхалъ онъ, — отчего мнѣ всегда такъ скучно?

И онъ съ завистью смотрѣлъ на тѣхъ школьниковъ, которые шли по улицѣ и перебрасывались снѣжками. Вотъ, если-бы и у него тоже былъ товарищъ! Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ поигралъ съ нимъ въ снѣжки!

Миша отошелъ отъ окна и снова принялся за игрушки. Онъ взялъ солдатика и оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

„Развѣ посмотрѣть, изъ чего онъ сдѣланъ?“ подумалъ онъ.

И онъ разломалъ солдата пополамъ и заглянулъ ему внутрь. Но то, что онъ увидѣлъ тамъ, оказалось вовсе неинтереснымъ, и онъ бросилъ обѣ половины въ сторону

и завелъ локомотивъ. Пружина уже давно была перекручена и локомотивъ не побѣжалъ.

— Да чего же ты не ходишь! крикнулъ Миша и съ досадой ударилъ его линейкой.

Затѣмъ онъ легъ на кровать и сталъ думать.

„Почему локомотивъ не ходитъ?“ задалъ онъ себѣ вопросъ. — „Почему колеса перестали вертѣться?“

И вдругъ откуда-то, точно изъ за двери, кто-то сказалъ:—

— Потому что ты самъ-же его сломалъ! За что ты его ударилъ? Ему больно!

Миша повернулъ голову въ ту сторону, откуда послышался голосъ.

— Няня, это ты? спросилъ онъ.

— Это я, послышался голосъ изъ кучи игрушекъ,—швейцарская пряха. Мнѣ не нравится, какъ ты обращаешься со своими игрушками. Зачѣмъ ты ихъ ломаешь?

— Развѣ я ихъ ломаю? удивился Миша. — Я только смотрю, какъ онѣ сдѣланы! Впрочемъ, всѣ вы мнѣ надоѣли!

Пряха укоризненно покачала головой.

— Если мы тебѣ всѣ надоѣли, сказала она,—то это не наша вина, а твоя: надо заниматься дѣломъ, надо трудиться, тогда все покажется тебѣ интереснымъ. Тебѣ давно уже пора читать и писать!..

Миша не любилъ, когда ему чи-

тали нравоученія, и сразу-же попробовалъ переменить разговоръ.

— Расскажи мнѣ, обратился онъ къ швейцарской пряхѣ,—какъ дѣлаются игрушки? Какъ дѣлали тебя? Какъ ты попала ко мнѣ?

Пряха грустно вздохнула, завертѣла на прядкѣ колесомъ и стала дѣлать изъ пучка козьей шерсти нитки.

— Далеко, далеко, отсюда, начала она,—въ Швейцарскихъ горахъ, въ прекрасной долинѣ между двухъ горныхъ хребтовъ, находится маленькая, чистенькая деревушка съ хорошенькой церковью, остроконечная колокольня которой далеко виднѣется съ сосѣдняго озера. Въ одномъ изъ домиковъ этой деревушки въ мое время жилъ очень искусный игрушечный мастеръ по имени Готфридъ. Съ большого плоскаго камня передъ входомъ въ его домикъ открывался роскошный видъ на снѣговья горы, озеро и дальніе лѣса. Здѣсь, удвери, гдѣ всегда было такъ привольно и свѣтло, Готфридъ всегда работалъ съ ранняго утра и до захода солнца. Онъ вытачивалъ изъ дерева игрушки. Впрочемъ, въ той деревенькѣ всѣ жители были игрушечные мастера, и не только мужчины, но и женщины и дѣвушки, и въ любой избушкѣ ты могъ-бы увидѣть цѣлыя полки уже готовыхъ игрушекъ, которыя оставалось только заколотить въ ящики и отправить въ большіе города въ

магазины. Готфридъ такъ искусно вытачивалъ изъ дерева игрушки, что заѣзжіе путешественники всегда заходили къ нему, чтобы купить себѣ что-нибудь на память о Швейцаріи.

Внутри домика, передъ которымъ работалъ Готфридъ, было чистенько и опрятно, висѣли по стѣнамъ картины и на окнахъ за бѣленькими кисейными занавѣсками стояли горшки съ цвѣтами. По одну сторону печи стояла большая кровать, на которой спали двѣ дѣвочки — дочери Готфрида, а по другую, ближе къ двери, — маленькая кроватка, вотъ вродѣ твоей. Въ этой кроваткѣ лежалъ мальчикъ лѣтъ шести. У него въ то время была какая-то тяжелая болѣзнь, такъ что онъ вовсе не сходилъ съ постели и все время на ней лежалъ. Что-то болѣло у него въ спинѣ и я не разъ видѣла, какъ искажалось отъ боли его блѣдное личико, когда ему хотѣлось повернуться. Часто, сквозь открытую дверь, онъ грустно глядѣлъ на горы, на озеро и на далекіе, синѣвшіе на горизонтѣ лѣса, и затѣмъ вдругъ зарывался лицомъ въ подушку и начиналъ плакать. Ему хотѣлось побѣгать. Это былъ одинокій мальчикъ, чужой въ семьѣ, да къ тому-же еще и больной. Когда Готфридъ овдовѣлъ и у него остались двѣ дѣвочки отъ первой жены, то онъ очень полюбилъ одну молодую

вдову изъ сосѣдней деревушки — Христину — и хотѣлъ на ней жениться. Каждое воскресенье они встрѣчались въ церкви и Готфридъ всегда ласково относился къ ея сынку, который уже тогда похварывалъ. Когда они уже со всѣмъ стоворились и даже назначили день свадьбы, то, какъ оба люди небогатые, должны были ее отложить за неимѣніемъ денегъ.

— „Ты побереги моего Ганса, обратилась Христина къ Готфриду, — а я поѣду въ Парижъ, поступлю тамъ на мѣсто. Заработаю немного денегъ, и возвращусь обратно. Тогда мы и сыграемъ свадьбу. А то чѣмъ мы будемъ жить вдвоемъ съ тремя дѣтьми?“

„Она уѣхала въ Парижъ — и съ тѣхъ поръ о ней не было ни слуху, ни духу. Она точно канула въ воду. Готфридъ наводилъ о ней справки, но всѣ его розыски окончились ничѣмъ, онъ долго тосковалъ по Христинѣ и наконецъ рѣшилъ, что она заболѣла въ Парижѣ и умерла. Тѣмъ временемъ заболѣлъ и маленький Гансъ. Готфридъ сдѣлалъ для него рѣзную кроватку, уложилъ его въ нее и приказалъ своимъ дѣвочкамъ относиться къ нему, какъ къ родному брату. Скоро Гансъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ въ семьѣ. Готфридъ, который со дня отъѣзда Христины сталъ угрюмымъ и молчаливымъ, полюбилъ его отъ всей души и всякій разъ какъ

дѣлалъ новую игрушку, всегда давалъ ему ея поиграть. Обѣ дѣвочки увѣшивали стѣну около кровати Ганса цвѣтами и часто подолгу читали ему вслухъ.

— Такъ неужели-же этотъ Гансъ, спросилъ у пряжи Миша, — все время лежалъ въ кровати и никогда не бѣгалъ?

— Однажды Готфридъ взялъ его на руки, продолжала пряжа, — и понесъ его въ городъ къ доктору, за нѣсколько верстъ отъ деревушки. Онъ несъ его бережно, стараясь его не трясти, но всю дорогу мальчикъ плакалъ отъ боли. Готфридъ рѣшилъ тогда, что эта прогулка принесла Гансу больше вреда, чѣмъ пользы. Къ тому-же и докторъ, осмотрѣвъ больного, только покачалъ головой и не далъ никакого лекарства. „Кажется, у мальчика будетъ горбъ!“ сказалъ онъ. — „Осторожнѣе съ нимъ! Не давайте ему много двигаться! Кормите его лучше! Быть можетъ, болѣзнь остановится и все пройдетъ само-собою!“ Готфридъ заплакалъ и понесъ Ганса домой. Съ тѣхъ поръ бѣдный Гансъ и сталъ лежать въ постели все время, а Готфридъ старался дѣлать для него самыя замѣчательныя игрушки, какія только могъ. Это дѣлало мальчика счастливымъ.

Когда всѣ дѣти деревушки по воскресеньямъ отправлялись въ горы за цвѣтами или по ягоды, то маленькій Гансъ долженъ былъ

оставаться дома одинъ. Но его названныя сестры не забывали о немъ и приносили ему букеты фиалокъ, незабудокъ и крупныхъ аютиныхъ глазокъ, и пока Розетта увѣшивала кровать и стѣну цвѣтами, Лиза рассказывала Гансу, гдѣ онѣ были, что дѣлали и кого видѣли. И Гансу казалось, что вмѣстѣ съ ними гулялъ и онъ.

Но болѣе всего Гансъ былъ счастливъ, когда наступала ночь и его сестры укладывались спать. Въ домикѣ становилось темно, но черезъ открытую дверь еще долго были видны полосы свѣтлаго неба за горами и ярко сверкавшія звѣзды надъ деревушкой. Тогда Готфридъ заканчивалъ свой трудовой день, укладывалъ стамески и молотки и садился около кровати Ганса ужинать. Онъ просиживалъ за ужиномъ долго, разговаривалъ то самъ съ собой, то съ Гансомъ и ему было пріятно, что около него былъ мальчикъ, который своимъ лицомъ напоминалъ ему Христину А Гансъ съ своей стороны испытывалъ гордость, что онъ, самый младшій въ семьѣ, и вдругъ могъ такъ поздно засиживаться со взрослымъ челоувѣкомъ. Къ тому-же, выспавшись отъ скуки за день, Гансъ долго не спалъ по вечерамъ.

Всякій разъ, какъ Готфридъ кончалъ какую-нибудь игрушку, онъ, прежде чѣмъ упаковать ее вмѣстѣ съ другими въ ящикъ и отправить

въ городъ, ставилъ ее у изголовья Ганса, чтобы онъ ею любовался. Такъ появилась на свѣтъ и я. Я тоже стояла у изголовья мальчика и потому могла узнать все, что происходило по вечерамъ.

Надъ кроватью Ганса висѣлъ портретъ его матери. Вокругъ него дѣвочки всегда вѣшали свѣжій вѣнокъ и каждый вечеръ, окончивъ ужинъ, Готфридъ долго смотрѣлъ на него и иногда плакалъ. Христина была снята въ національномъ костюмѣ, за прялкой и казалась на карточкѣ моложе своихъ лѣтъ.

— „Дядя, обратился однажды Гансъ къ Готфриду, — ты-бы выточилъ для меня изъ дерева мою маму“.

На слѣдующее-же утро Готфридъ взялъ кусокъ дерева, снялъ со стѣны портретъ Христины, поставилъ его передъ собой и принялся за дѣло. Онъ работалъ вдохновенно; казалось, онъ самъ считалъ часы и минуты, когда изъ подъ его рѣзцовъ выйдетъ фигурка, которой такъ желалъ маленькій Гансъ. Черезъ недѣлю карточка по прежнему висѣла въ вѣночкѣ изъ цвѣтовъ на стѣнѣ, а у изголовья Ганса стояла я и вертѣла на прялкѣ колесо. И всѣ, кто зналъ Христину, увидѣвъ меня, всплескивали отъ удивленія руками и говорили:

— „Готфридъ, ты настоящій художникъ. — Эта фигурка пряхи по-

хожа на Христину, какъ двѣ капли воды!“

А когда, въ первое-же утро, меня увидѣлъ проснувшійся Гансъ, то онъ вдругъ взвизнулъ, зарыдалъ, а затѣмъ радостно засмѣялся.

— „Мамочка! Мама!“ закричалъ онъ. — „Моя милая, дорогая мама!“

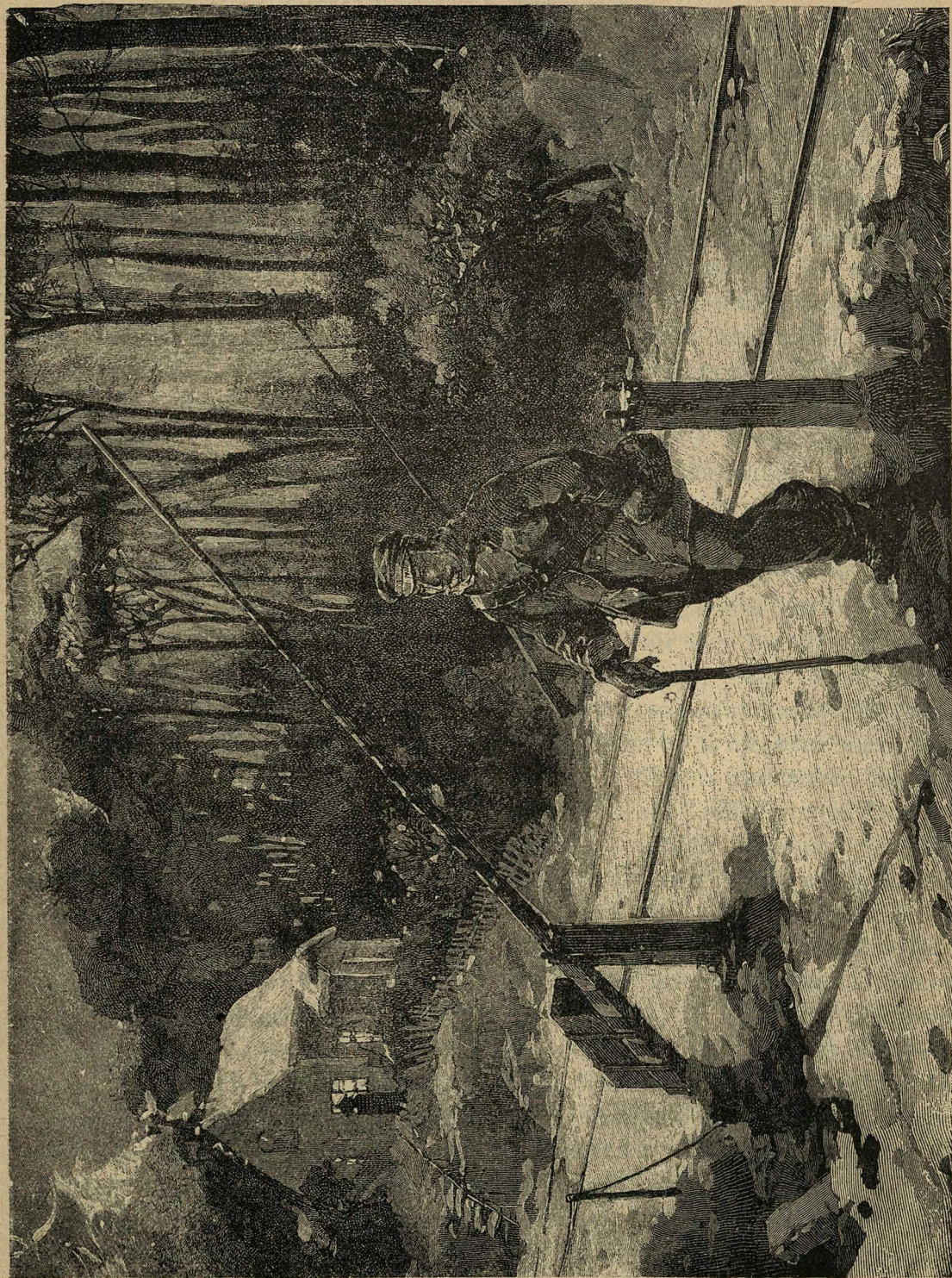
Съ тѣхъ поръ я нѣсколько мѣсяцевъ простояла на полочкѣ у его кровати. Каждое утро, пробуждаясь, и каждый вечеръ, ложась спать, Гансъ цѣловалъ меня и часто разговаривалъ со мною такъ, точно я на самомъ дѣлѣ была его живою матерью. Когда онъ чувствовалъ себя особенно нездоровымъ, то бралъ меня съ полочки, клалъ къ себѣ на подушку и прижимался ко мнѣ пылавшей щекой, и тогда я могла видѣть, какъ онъ былъ терпѣливъ. Я замѣчала также, какъ съ каждымъ днемъ онъ становился все блѣднѣе и худѣе, и бывали такіе дни, въ которые онъ ничего не ѣлъ и не пилъ, а только лежалъ, прижималъ меня къ себѣ и смотрѣлъ въ пространство большими глазами. И при этомъ во всемъ домѣ — ни пирожныхъ, какъ у тебя, Миша, ни вкусныхъ булочекъ къ чаю, ни циплятъ къ обѣду, а только кусокъ простого сѣраго хлѣба, да кружка козьего молока и по воскресеньямъ немного супу изъ кореньевъ!

Вотъ и все.

Въ одну ночь, когда Гансу было особенно плохо, и когда всѣ спали

Въ лѣсной тиши.

Железнодорожный сторожъ.

я видѣла, какъ слетѣлъ къ нему ангелъ, наклонился надъ нимъ и поцѣловалъ его въ пылающій лобъ.

— „Бодрись!“ свазалъ онъ. — „Терпи! Скоро будешь счастливъ и ты! Ты выздоровѣешь и увидишь свою мать!“

Но Гансъ его не видѣлъ. Такъ же безшумно, какъ и прилетѣлъ, ангелъ вылетѣлъ изъ избушки, взмахнулъ крыльями и улетѣлъ къ звѣздамъ. Глядя на Ганса, Готфридъ страдалъ. Онъ пересталъ работать и цѣлые часы сталъ просиживать около больного. Когда Гансъ не могъ съ нимъ разговаривать, то Готфридъ бралъ его за руку и долго, молча, смотрѣлъ то на него, то на его мать. Но можетъ быть, ты, Миша, хочешь спать? Ты лежишь на кровати съ закрытыми глазами и точно спишь... Ты не слушаешь меня?

— О, нѣтъ, нѣтъ! отвѣтилъ Миша, не открывая глазъ. — Разскажи! Я слушаю тебя! Ну, что-же было дальше?

Пряха поправила на гребнѣ козью шерсть и снова завертѣла на пряткѣ колесо.

— Съ этого вечера Гансъ сталъ со дня на день поправляться. Точно въ его болѣзни совершился переломъ. Онъ пересталъ жаловаться на боли въ спинѣ, на его блѣдныхъ щекахъ заигралъ румянецъ и въ глазахъ у него появился такой блескъ, какого у него не видалъ еще никто.

— „Слава Богу! шепталъ Готфридъ и набожными глазами поглядывалъ на Распятіе. — „Онъ, кажется, поправляется!.. Слава Богу!“

И вотъ, когда наступила весна, когда побѣжали съ горъ ручьи, зацвѣли въ долинахъ цвѣты и въ природѣ повѣяло той радостью жизни, для которой существуетъ все земное, Гансъ сошелъ наконецъ со своей кровати, выбѣжалъ на порогъ и жадными глазами поглядѣлъ на родныя горы и на ласково сверкавшее внизу озеро. Какимъ счастьемъ озарилось его лицо! Какъ къ роднымъ, онъ протянулъ къ нимъ руки и, задыхаясь отъ радости, зашепталъ:

— „Я здоровъ!.. Я опять съ вами!.. Теперь я могу бѣгать и собирать цвѣты!“

Въ тотъ-же день вечеромъ къ Готфриду пришла какая-то женщина и подала ему письмо. Онъ прочиталъ его, измѣнился въ лицѣ, руки его задрожали, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— „Гансъ, подойди сюда! Я получилъ отъ твоей мамы письмо. Она тяжело больна и желаетъ тебя видѣть. Она живетъ сейчасъ на берегу моря, на дальнемъ югѣ, гдѣ никогда не бываетъ зимы, и соскучилась по тебѣ. Она не вернется сюда уже болѣе никогда... Хочешь отправиться къ мамѣ?“

Гансъ обрадовался, захолопалъ

въ ладоши и запрыгалъ на одномъ мѣстѣ, какъ коза.

— „Хочу! хочу! воскликнулъ онъ. — Я такъ давно не видѣлъ маму!“

Розетта и Лиза собрали Ганса въ путь, Готфридъ горячо прижалъ его къ груди, передалъ его прїѣхавшей за нимъ женщинѣ и Гансъ отправился къ матери въ далекій путь. Готфридъ и двѣ дѣвочки еще долго стояли на крыльцѣ и смотрѣли ему вслѣдъ, а въ это время заходило солнце и окрашивало въ оранжевый цвѣтъ снѣговья вершины окрестныхъ горъ. А когда женщина съ мальчикомъ скрылись за поворотомъ дороги и Готфридъ съ дѣвочками вернулись домой, то имъ показалось безъ Ганса такъ пусто-пусто, точно мальчикъ занималъ собою весь домъ...

Пряха остановилась.

— „Ну, и что-же было дальше?“ спросилъ ее Миша.

— Это и все, продолжала она. — Мнѣ остается только разсказать тебѣ, какъ я попала сюда, и этимъ закончить свой разсказъ. Ганса отвезли къ его матери и съ тѣхъ поръ о нихъ обоихъ не было ни слуху ни духу. Бѣдный Готфридъ сталъ томиться, заскучалъ, но никто не догадывался о причинѣ его горя. Только знала объ этомъ я одна. Въ воспоминаніе о Гансѣ, такъ и осталась его кровать, у стѣны надъ нею висѣла въ вѣночкѣ

изъ цвѣтовъ карточка его матери, а у изголовья, на полочкѣ, стояла я. Каждый вечеръ къ кровати присаживался Готфридъ и долго глядѣлъ на портретъ и на меня. Заѣзжали иногда къ намъ путешественники, удивлялись его работѣ, интересовались мной и предлагали ему за меня хорошія деньги, но онъ всякій разъ отрицательно кивалъ головой и говорилъ:

— „Нѣтъ, господа, — эта игрушка не продается“.

На слѣдующую осень Готфридъ затосковалъ еще больше и слегъ. Онъ пересталъ работать. Пришлось продать всѣ инструменты. Затѣмъ дѣвочкамъ стало не хватать насущнаго хлѣба и это было ужасно. Какъ часто я плакала за нихъ на своей полочкѣ и какъ часто говорила Готфриду:—

— „Продай меня! Вѣдь тебѣ даютъ хорошія деньги за меня! Теперь у Ганса настоящая, живая мать! Теперь онъ бѣгаетъ по лазурному берегу юга и давно уже обо мнѣ позабылъ!“

Но Готфридъ меня не понималъ, и я должна была стоять на своей полочкѣ и молчать и видѣть, какъ обходились безъ хлѣба двѣ сестры.

Затѣмъ случилось то, чего рано или поздно нужно было ожидать: Лиза вышла изъ дому и стала просить у сосѣдей милостыню. Готфридъ узналъ объ этомъ, взялъ оставшіяся инструменты и выползъ

съ ними на крыльцо. Но его руки отъ слабости дрожали, голова падала на грудь и онъ не смогъ работать. Инструменты вывалились у него изъ рукъ и онъ съ тоскою сталъ ожидать возвращенія Лизы. Она стыдливо вернулась домой, прикрывая фартукомъ кусокъ хлѣба, который выпросила у людей и несла для своей сестры. Тогда Готфридъ снялъ меня съ полки и протянулъ меня къ Лизѣ.

— „Возьми ее, дитя мое, сказалъ онъ,—и отнеси ее въ гостиницу. Тамъ теперь остановился человекъ, который скупааетъ у здѣшнихъ мастеровъ игрушки. Продай ее ему и купи на деньги хлѣба!“

Лиза взяла меня, не сказавъ ни слова, но я чувствовала, какъ слеза скатилась у нея со щеки и упала мнѣ на голову. Четверть часа спустя, она была уже въ гостиницѣ и продала меня скупщику.

На другой день меня упаковали въ ящикъ и отправили куда-то далеко. Когда я увидѣла потомъ свѣтъ, то я оказалась уже въ Петербургѣ, на окнѣ игрушечнаго магазина. Было пасмурно, шелъ снѣгъ и совсѣмъ было не такъ, какъ у меня на родинѣ въ Швейцарии. Мимо меня проходили дамы, мужчины и няни съ дѣтьми и часто останавливались передъ моимъ окномъ и съ удивленіемъ и любопытствомъ глядѣли, какъ я вер-

тѣла колесо и пряла козью шерсть. И вдругъ въ магазинъ вошла какая-то богато-одѣтая дама и сказала, что она хочетъ купить меня для своего маленькаго единственнаго сына. Какъ я обрадовалась! Я вспомнила о Гансѣ и подумала, что мой новый маленькій хозяинъ будетъ такимъ-же нѣжнымъ, добрымъ мальчикомъ, какъ и онъ. Но увы! Какъ жестоко я ошиблась! Какая громадная разница была между нимъ и тѣмъ, кому я стала принадлежать. Я говорю, Миша, о тебѣ. Сытый, богатый, обезпеченный, не нуждающійся ни въ чемъ и всегда имѣющій при себѣ любящую мать, ты на другой-же день далъ мнѣ пинка ногой, а черезъ четыре дня на моей прялкѣ уже было сломано колесо. И вотъ я лежу сейчасъ въ углу, въ пренебреженіи, въ кучѣ такихъ-же несчастныхъ игрушекъ, какъ и я, изъ которыхъ каждая могла-бы рассказать тебѣ свою исторію и доказать тебѣ, что есть многое множество дѣтей, гораздо менѣе счастливыхъ, чѣмъ ты... А теперь я прошу тебя только объ одномъ: отдай меня какому-нибудь бѣдному мальчику, у котораго вовсе нѣтъ игрушекъ и которому подчасъ нечего бываетъ поѣсть. Подумай о комъ-нибудь изъ такихъ дѣтей!

— О, нѣтъ, нѣтъ! закричалъ вдругъ Миша и слезы брызнули у него изъ глазъ.—Разстаться съ

тобой, отдать тебя кому-нибудь другому? Никогда! Я поставлю тебя на полочку и буду любоваться тобой, какъ Гансъ...

Въ эту минуту въ дѣтскую вбѣжала няня и, увидѣвъ, что Миша лежитъ на кровати съ закрытыми глазами и плачетъ, стала его будить!

— Милый мой! воскликнула она.—Ты заснулъ? Голубчикъ мой! Лежитъ на подушечкѣ и такъ то горько плачетъ! Ну, вставай, ангелочекъ, вставай!

И няня взяла на руки проснув-

шагося Мишу и понесла его умывать. Онъ умылся, потомъ пошелъ къ мамѣ, потомъ опять пробѣжалъ къ себѣ въ дѣтскую, — но все то, что онъ увидѣлъ во снѣ, казалось ему происходившимъ на яву, и онъ все еще протиралъ себѣ глаза и, поднявъ затѣмъ съ полу пряжу и поставивъ ее бережно на столикъ передъ кроватью, сталъ мысленно задавать ей вопросы.

Но она молчала и такъ и продолжала стоять съ приподнятой рукой.

К. Т—ръ.

* * *

День прошелъ... Ужъ вечерѣтъ...
Въ нѣгѣ дремлетъ садъ,
Вспыхнулъ заревомъ и рдѣтъ
Солнечный закатъ.
Въ легкой дымкѣ серебристой
Уплываетъ день,
Бросилъ дубъ многовѣтвистый
За ограду тѣнь.

И поплыли всюду тѣни
Черезъ лѣсъ и садъ
И густой ужъ отъ сирени
Льется аромать.
Дрогнетъ вѣтка и блистають
Капля на листѣ...
Скрывъ головку засыпаетъ
Птенчикъ на кустѣ...

М. Ш.

КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Исторія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

V. Что было съ Марусей.

Все залитое солнечнымъ свѣтомъ, Черное море тихо плескалось у береговыхъ камней и длинными пѣнистыми валами взбѣгало на просторный, мягкій песчаный берегъ. Вдалекѣ виднѣлись красивыя дачи и точно дремали подъ лучами жаркаго солнца, закрывъ свои ставни и опустивъ на окнахъ маркизы. Все замерло въ истомѣ жаркаго дня.

Часы пробили пять. Въ одной изъ дачъ дверь тихонько отворилась и на террасу вышла дѣвочка лѣтъ одиннадцати. Это была наша давнишняя знакомая Маруся. Она поблѣднѣла и похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней разстались. Да и не мудрено. За этотъ годъ она похоронила своего отца и осталась круглой сиротой на бѣломъ свѣтѣ. Въ томъ домѣ въ малороссійской деревнѣ, гдѣ когда-то она познакомилась, играла и училась съ Сережей, ея отцу сдѣлалось хуже и пришлось бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ. Но и здѣсь ей не повезло. Ея отецъ умеръ и теперь она жила въ Крымской дачѣ вдвоемъ съ няней, и ожидала, когда пріѣдетъ отъ дѣ-

душки и бабушки, которые жили за границей, гувернантка и увезетъ ее съ собой. Дѣдушка уже давно писалъ ей, что ждетъ ее къ себѣ, она плохо его знала и предстоящая жизнь вдали отъ родины и отъ няни казалась ей страшной. Своихъ дѣдушку и бабушку она видала только разъ въ жизни, когда они пріѣзжали изъ Швейцаріи въ Петербургъ, но уже позабыла ихъ и даже не могла себѣ ихъ мысленно представить. Къ тому же ей казалось, что если она уѣдетъ за границу, то не увидится съ Сережей уже никогда, а она привязалась къ нему, какъ къ родному брату, и очень хотѣла съ нимъ повидаться. Уже давно она написала къ нему въ деревню письмо, но не получила отъ него отвѣта, и не знала, что подумать. Значить, онъ позабылъ о ней совсемъ. Кромѣ покойнаго отца, Сережи и няни у нея не было ни одной близкой души на свѣтѣ, и то, что Сережа не отвѣтилъ ей на письмо, дѣлало ее еще болѣе одинокой. И чѣмъ болѣе продолжалось это ея одиночество, тѣмъ все чаще она вспоминала о Сережѣ и хотѣла его видѣть.

— Господи, шептала она, сбѣгая въ этотъ вечеръ съ террасы,— хоть-бы какимъ-нибудь чудомъ онъ прилетѣлъ сюда! Мнѣ такъ здѣсь скучно одной! Такъ не хочется уѣзжать за границу!

Она прошла черезъ садикъ, отворила калитку и вышла къ морю. Въ легкихъ открытыхъ туфелькахъ, коротенькихъ чулочкахъ и въ бѣломъ кисейномъ платицѣ, она походила на тѣхъ бѣленькихъ птичекъ, которыя часто летаютъ высоко въ небѣ, ярко блистая на солнцѣ своими бѣлоснѣжными крыльями. Она легла на берегу на теплый песокъ и стала думать. Съ самаго дня смерти отца она потеряла свою веселость. Она приуныла, никто уже больше не слышалъ ея пѣсенъ, которыя она раньше такъ громко распѣвала на весь домъ, и ласки ея няни уже больше ея не развлекали. Она жила своей собственной, уединенной жизнью, не играла въ куклы, не читала и все только думала и думала, иногда совершенно безучастная ко всему, что вокругъ нея происходило.

И вдругъ около нея раздался голосъ:—

— Здравствуйте, Маруся! Это вы?

Маруся вздрогнула и подняла голову. Передъ ней стояла какая-то незнакомая ей дама.

— Позвольте познакомиться!.. ласково продолжала дама. — Я,—

ваша гувернантка, мадмуазель Амели. Я только что приѣхала за вами изъ Швейцаріи отъ вашихъ дѣдушки и бабушки. Они ждутъ васъ къ себѣ.

Маруся посмотрѣла на нее большими удивленными глазами.

— Вы удивляетесь, что я говорю по русски? спросила мадмуазель Амели.—Я сама—швейцарка, но долго служила въ гувернанткахъ въ Петербургѣ. Теперь я живу въ Швейцаріи и давно знакома съ вашими дѣдушкой и бабушкой... Они меня пригласили къ себѣ на службу и вотъ я приѣхала сюда за вами.

Она говорила такъ ласково и такъ просто, что это сразу-же расположило къ ней Марусю. Но по какому-то странному недовѣрью, дѣвочка сдѣлала шагъ назадъ и задичалась.

— Пойдемте, дитя мое!.. продолжала гувернантка и ласково взяла ее за руку.—Я уже была сейчасъ у васъ на дачѣ и познакомилась съ вашей няней.

Они пришли на лачу. Няня съ съ красными отъ слезъ глазами встрѣтила ихъ въ столовой. Въ рукахъ у нея было письмо. Ею привезла отъ дѣдушки мадмуазель Амели, и старушка, хоть и ожидала этого, но все-же какъ-то не вѣрила, что должна навсегда разстаться съ Марусей и уѣхать къ себѣ на родину въ Ярославскую губернію.

Насталъ вечеръ. Пили на террасѣ чай и разговаривали о предстоящей разлукѣ. Внизу у берега было тяжело. А когда отпили чай

Задумалась

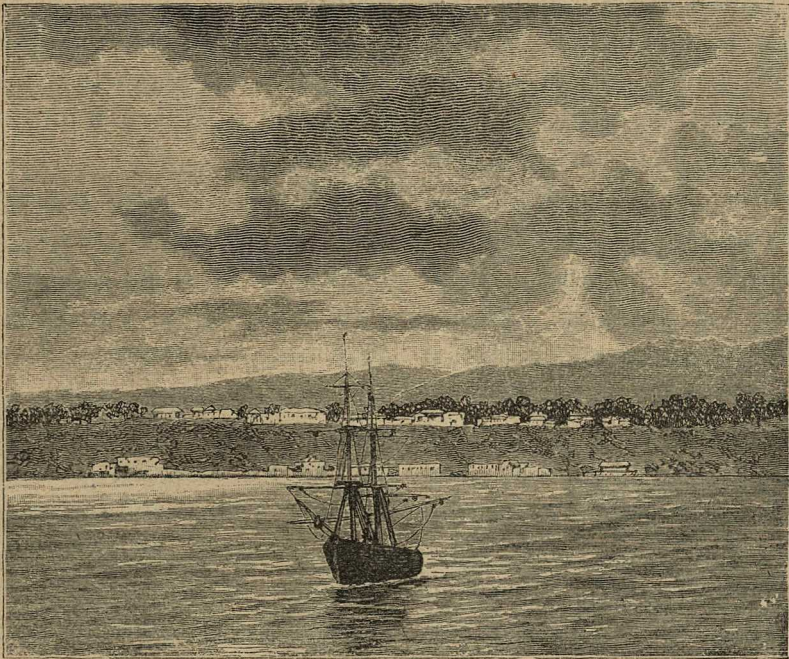
плескалось море, кричали цикады, все небо было усыяно звѣздами, которыя мигали лучами, и откуда-то сбоку доносились звуки му-

и гостыя ушла къ себѣ въ комнату, то Маруся бросилась къ нянѣ на шею и долго сидѣла у нея на ко- лѣняхъ и молчала. Няня раздѣла

ее, уложила въ постельку и сѣла съ боку нея. Теперь для нихъ обѣихъ было ясно, что онѣ были для всѣхъ чужія и что не встрѣтятся въ жизни уже больше никогда. Маруся заснула уже только

а затѣмъ лошади побѣжали бы-стрѣе и въ глазахъ, сквозь рѣшетку палисадника, рѣзко и часто замелькало солнце.

— Прощай, Марусенька! крикнула няня.

подъ утро. Когда она проснулась, то было уже поздно и мадмуазель Амели собиралась уже уѣзжать. Ну, стоило-ли прѣзжать такъ издалека всего только на одну ночь! Но у нея были свои расчеты, всѣ вещи были уже увязаны и вынесены на террасу и ожидали отъѣзда. Няня собрала Марусю въ путь, а затѣмъ подѣхалъ экипажъ, гвернантка и Маруся усѣлись въ него — и лошади тронулись отъ крыльца. Маруся въ послѣдній разъ поцѣловала няню на ходу,

Маруся замахала ей платкомъ.

— До свиданія, нянечка! отвѣчала ей она. — Оставайся съ Богомъ!

Экипажъ быстро покатишь по дорогѣ и скоро дача скрылась за поворотомъ и исчезла навѣки за густыми деревьями.

Горы, скалы, вѣковые лѣса потянулись мимо Маруси, вдаль сверкало голубое море и внизу, въ садахъ, медленно качали вершинами темно-зеленые кипарисы. Но Маруся не глядѣла ни на что

и ей было горько, что ее какъ-то сразу вырвали съ корнемъ изъ родного угла и везуть куда-то далеко, гдѣ все ожидаетъ ее чужое. Почему вмѣстѣ съ ней не поѣхала и ея няня? Почему гвернантка не взяла и ее?

Но вотъ уже и Ялта. Вдоль берега сверкають на солнцѣ бѣлыя постройки. Кругомъ обступили горы и и хмурятся. У мола стоитъ большой пароходъ и дымить. На пристани экипажи, суета. Ихъ экипажъ подѣзжаетъ прямо къ пароходу, татаринъ беретъ вещи и вотъ онѣ на палубѣ. Раздаются свистки, снимають сходни и пароходъ отчаливаетъ отъ берега. Ялта постепенно удаляется отъ него и скоро тонетъ въ голубой дали. Затѣмъ тянутся съ одной стороны лиловыя горы, а съ другой—безбрежное море, выскакиваютъ изъ воды дельфины и кувыркаются въ воздухѣ и все время Маруся сидитъ у борта, смотритъ не мигая на берегъ но противъ ея воли, передъ ея духовными очами, выступаютъ то ея няня, сидящая съ заплаканными глазами на ступенькѣ террасы дачи, то Сережа, о которомъ она не знаетъ уже ничего такъ давно. Гдѣ-то онѣ теперь? Увидятся-ли они когда-нибудь? Думаетъ-ли онѣ о ней?

А затѣмъ пароходъ приходитъ въ Севастополь. Наступаетъ ночь, пароходъ снова отправляется въ путь и вотъ—на другое утро—

Маруся и мадмуазель Амели уже въ Одессѣ. Такъ все ново для Маруси, такъ неожиданно. Онѣ ѣдутъ черезъ весь городъ на вокзалъ и Марусѣ кажется, что она уже заграницей и что еще часъ и другой—и она будетъ уже въ Швейцарии.

— Мы поѣдемъ черезъ Кіевъ, говоритъ ей мадмуазель Амели.— Тамъ на вокзалѣ я оставила свой чемоданъ.

Онѣ садятся въ поѣздъ и ѣдутъ въ Кіевъ. Дачи, сады, виноградники, засѣянные пшеницей и свекловицей поля длинной безконечной лентой тянутся передъ окнами вагона и по мѣрѣ того, какъ поѣздъ все далѣе и далѣе уходитъ отъ Одессы, у Маруси начинается мѣняться настроеніе и ей уже кажется, что съ мадмуазель Амели она знакома уже давно-давно и что впереди для нея откроется новая жизнь, болѣе интересная и содержательная, чѣмъ была эти послѣдніе мѣсяцы послѣ смерти ея отца. Вотъ только-бы увидѣться хоть разокъ съ Сережей, только-бы узнать гдѣ онѣ, или получить отъ него письмо!

А Сережа былъ отъ нея въ эту минуту совсѣмъ уже близко и она этого не знала. Онѣ поѣзжали къ Кіеву съ другой стороны и тоже думалъ о ней и если-бы кто-нибудь сказалъ ей и ему, что онѣ оба цѣлый день проведутъ въ Кіевѣ, одновременно, то они приняли-бы

всѣ мѣры, чтобы только встрѣтиться и повидаться. Но человѣку не дано знать всего. Они этого не знали и когда вечеромъ Маруся и мадмуазель Амели снова сидѣли въ поѣздѣ на станціи Кіевъ и ожидали, когда онъ тронется на Ковель, чтобы ѣхать далѣе за границу, то Маруся вдругъ увидѣла на платформѣ какую-то старушку и съ ней мальчика, страшно, поразительно похожаго на Серезу. Она выглянула изъ окна вагона и убѣдилась, что это дѣйствительно былъ онъ. Онъ стоялъ со своей тетей Марфой Петровной, глядѣлъ на нее большими, удивленными глазами и тоже, казалось, ее узналъ. Сердце у нея забилося, щеки вспыхнули и она схватилась рукою за грудь.

— Сереза! Сереза! закричала она.

Она бросилась къ двери, хотѣла выбѣжать на платформу, но въ эту минуту раздался третій звонокъ и поѣздъ медленно сталъ отходить отъ станціи вокзала. Она видѣла въ окошко, какъ Сереза побѣжалъ рядомъ съ поѣздомъ и какъ замахалъ ей рукой, она замахала ему рукой и сама, но поѣздъ съ каждымъ оборотомъ колеса развивалъ свой ходъ все быстрее и быстрее и скоро вокзалъ остался далеко позади. Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ судьба такъ жестоко пошутила надъ ней? И, полная охва-

тившаго ее тяжелаго, невыносимаго горя, она упала на диванъ и залилась горячими слезами.

— Сереза! Сереза!.. повторяла она.

Мадмуазель Амели склонилась надъ ней, стала ее утѣшать, утирала ей слезы, старалась понять, въ чемъ дѣло, но Маруся еще долго лежала на диванчикѣ, лицомъ въ подушку, плечи ея вздрагивали и она плакала, плакала безъ конца.

Утромъ переѣзжали австрійскую границу. Пока происходили всѣ таможенныя обрядности, Маруся сбѣгала въ книжный шкафикъ, купила тамъ письмо и написала Серезѣ нѣсколько строкъ. Она извѣщала его, что у нея умеръ отецъ и что она ѣдетъ навсегда въ Швейцарію къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, которые живутъ тамъ постоянно, и отправила его все по тому-же адресу на имя дядюшки Егора Тимофеевича.

„Вѣроятно онъ знаетъ Серезинъ адресъ, думала она.—Онъ перешлетъ ему это письмо. Когда-нибудь Сереза его получитъ“...

И она не ошиблась, Егоръ Тимофеевичъ переслалъ его къ тетускѣ Марфенькѣ, но оно уже не застало Серезу на хуторѣ. Въ это время онъ уже плылъ по морю въ дальніе, чужіе края, думалъ о своихъ и о Марусѣ и все никакъ не могъ позабыть о своей неожиданной встрѣчѣ съ нею на Кіевскомъ

вокзалѣ. Что это была она,—онъ былъ въ этомъ увѣренъ, но въ тоже время его неотступно преслѣдовалъ одинъ и тотъ-же вопросъ. Какъ она могла оказаться въ Кіевѣ? Куда она ѣхала? Гдѣ она теперь живетъ?

Сѣрое, туманное утро. Таможенные обрядности кончены, Маруся и мадмуазель Амели снова входятъ въ вагонъ и медленно переваливаютъ черезъ границу. Теперь ужъ онѣ не въ Россіи. Россія осталась позади. Чужіе кондукторы, чужіе жандармы на станціяхъ и чужая, незнакомая страна. Тянутся сады, хорошенькія, бѣленькія деревушки, мелькаютъ шумныя рѣчки и то и дѣло попадаются по пути стройныя, остроконечныя колокольни. Маруся все время стоитъ у окна и всматривается во все, что попадаетъ ей на пути. Ей все ново, весело и интересно, она готова уже радоваться и доказывать, что не разстанется съ мадмуазель Амели никогда, но мысль о Сереежѣ и о неудавшейся встрѣчѣ съ нимъ на Кіевскомъ вокзалѣ то и дѣло возвращается къ ней и заставляетъ ее хмуриться и вздыхать такъ глубоко, какъ только могутъ одни дѣти послѣ долгихъ горючихъ слезъ.

— Онъ получитъ мое письмо! говорила она себѣ.—Если онъ уже не живетъ тамъ, гдѣ жилъ, то все равно ему его перешлютъ! Онъ

узнаетъ, что я уѣхала за границу, и напишетъ мнѣ!..

А поѣздъ все шелъ и шелъ и, казалось, ему не было ровно никакого дѣла до того, какія мысли занимали его пассажировъ. Съ одинаковой быстротой онъ везъ и радость и горе, оставлялъ за собой разлуку и готовилъ радостную встрѣчу и только весело посвистывалъ и пускалъ густые, длинные клубы дыма.

Вотъ ужъ Вѣна, вотъ Тироль, вотъ Инсбрукъ, вотъ громадныя заходящія за облака горы; поѣздъ проходитъ черезъ длинные, темные туннели, то взбирается высоко на верхъ, то спускается въ самыя долины и идетъ берегомъ рѣкъ, а то забирается подъ самыя облака и Марусѣ кажется, что вотъ-вотъ онъ сорвется со всѣми вагонами съ насыпи, прильпившейся къ скалѣ, и полетитъ внизъ. На голыхъ отрогахъ виднѣются старинныя, полуразрушенныя замки и далеко впереди виднѣются снѣговыя вершины Альпъ.

— Ну, вотъ мы и въ Швейцаріи! говоритъ мадмуазель Амели.— Сейчасъ будетъ осмотръ нашего багажа — и вечеромъ мы будемъ уже дома.

Входятъ въ вагонъ швейцарскіе чиновники, заглядываютъ въ купе, и проходятъ своей дорогой. Поѣздъ двигается далѣе и картины одна другой величественнѣе и красивѣе начинаютъ попадаться по пути и тѣ

горы, которыя давно уже блестятъ изъ далека своими снѣговыми вершинами, теперь кажутся такими близкими, что хочется протянуть къ нимъ руку и схватить ихъ. Попадаются прекрасныя, зеркальныя озера, чистенькіе, какъ игрушки, городки и Маруся теперь уже позабыла обо всемъ и смотреть, смотреть цѣлые часы и не можетъ оторваться отъ окна.

Шумные вокзалы большихъ городовъ, живописныя деревушки, виноградники, все это проходитъ мимо, какъ интересный сонъ. Вотъ уже Лозанна. Поездъ останавливается, наши путницы суетливо укладываютъ свой багажъ и выходятъ изъ вагона. Маруся оглядывается и вскрикиваетъ отъ восторга: передъ нею изъ края въ край тянутся громадныя снѣговыя Альпійскія горы, внизу разстилается бирюзовое Женевское озеро и въ далекой синевѣ тамъ и сямъ виднѣются швейцарскіе городки.

— Мы сядемъ сейчасъ на пароходъ, говоритъ мадмуазель Амели, — и черезъ какіе-нибудь полтора часа мы будемъ уже дома.

Онѣ спускаются внизъ, садятся на пароходъ и плывутъ по Женевскому озеру. Мимо нихъ опять тянется роскошная панорама и когда проходятъ эти полтора часа, то пароходъ подплываетъ къ берегу, онѣ садятся въ экипажъ и ѣдутъ по шоссе.

Вотъ сквозь густую листву де-

ревьевъ виднѣется бѣленькій домикъ. Онъ весь въ цвѣтахъ. Сквозь желѣзную узорчатую ограду видны расчищенные дорожки и фонтанъ. У калитки стоятъ старичекъ и старушка. Старушка въ бѣломъ платьѣ и подъ бѣлымъ зонтикомъ. Завидѣвъ экипажъ, они оба начинаютъ махать платками и кивать головами.

Это дѣдушка и бабушка Маруси. Они здѣсь живутъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ умерла мама Маруси. Она здѣсь хворала, здѣсь умерла и погребена и они рѣшили остаться здѣсь совсѣмъ. Завидѣвъ Марусю и мадмуазель Амели, они вышли къ нимъ навстрѣчу и когда экипажъ подъѣхалъ къ дачѣ, то старушка подбѣжала къ нему, выхватила изъ него Марусю и прижала ее къ груди.

— Милая моя! Дорогая! воскликнула она.—Какая уже ты большая! Да какая ты красавица!

Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Старичекъ тоже обнялъ Марусю и тоже заплакалъ. Затѣмъ всѣ пошли черезъ садъ въ домъ.

— Ну, вылитая мать! говорила бабушка.—Какъ двѣ капли воды! Такіе-же глаза, такіе-же волосы и губы, какъ у нея!..

— Ну, иди, иди, цыпочка!.. Будь какъ дома!.. говорилъ въ свою очередь старичекъ.—Ужъ мы тебя жаждали!

Маруся вошла къ нимъ въ домъ и на нее какъ-то сразу пахнуло

лаской и добротой и все кругомъ, что она видѣла передъ собой,— и столы, и стулья и шкафы,—показалось ей чѣмъ-то роднымъ и привѣтливимъ. И полная охватившаго ее чувства благодарности, она вдругъ бросилась къ бабушкѣ на шею и стала ее цѣловать. Поцѣловавъ ее безчетное количество разъ, она повисла на шеѣ у дѣдушки, но онъ схватилъ ее на руки и, стибаясь подъ ея тяжестью, понесъ ее въ садъ. А бабушка осталась на террасѣ и, глядя имъ вслѣдъ, вдругъ стала креститься.

— Слава Богу! зашептала она.— Слава Богу! Теперь мы не одни!

А въ это время Сережа ужъ качался по волнамъ Средиземнаго моря. Онъ ужъ привыкъ къ пароходу и къ волнамъ, онъ уже загорѣлъ и возмужалъ и никто-бы не узналъ въ немъ теперь того робкаго Сережу, котораго въ первый разъ привели въ Одессѣ на пароходъ. Онъ часто писалъ съ дороги къ тетущкѣ Марфѣнкѣ. Его письма были полны восторговъ отъ новой жизни и отъ всего, что онъ видѣлъ по пути. Восторженно, но какъ умѣлъ, онъ описывалъ ей Константинополь, Греческіе острова и Египеть; высокія, почти до небесъ доходящія пальмы, жестокія бури и все то, чему онъ учился на пароходѣ. Отвѣчала ему и она. Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ какъ Маруся приѣхала къ

бабушкѣ и дѣдушкѣ въ Швейцарію и была принята ими, какъ родная дочь. Пароходъ Сережи прибылъ въ Неаполь. Едва только онъ присталъ къ берегу, какъ на него уже взошелъ дожидавшійся его почтальонъ и передалъ пачку писемъ капитану.

— Сережа, крикнулъ капитанъ.— Тебѣ изъ Россіи письмо!

Сережа съ волненіемъ принялъ отъ начальника письмо и сразу узналъ по почерку, что оно отъ тетущки Марфѣнки. Онъ отошелъ къ сторонѣ и распечаталъ его. Въ него было вложено другое письмо— отъ Маруси. Это было то самое письмо, въ которомъ Маруся извѣщала Сережу о смерти своего отца и о томъ, что видѣла его на Кіевскомъ вокзалѣ, когда уѣзжала изъ Россіи за границу.

— Значить, она тоже видѣла меня на Кіевскомъ вокзалѣ! обрадовался онъ.— Значить, она тоже узнала меня!

И онъ нѣсколько разъ перечиталъ письма тетущки—Марфѣнки и Маруси. Чѣмъ-то роднымъ, близкимъ повѣяло на него отъ нихъ и онъ не сдержался, отошелъ въ темный уголокъ и поцѣловалъ ихъ. Потомъ спряталъ.

Вечеромъ онъ обратился къ капитану съ вопросомъ:

— Иванъ Николаевичъ, далеко отсюда до Швейцаріи?

Капитанъ по привычкѣ взглянулъ на карту и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не особенно... Если сегодня сѣсть въ поѣздъ, то завтра уже будешь въ Швейцаріи!..

Какъ? Только всего? Значитъ, Сережу и Марусю раздѣляютъ всего только нѣсколько часовъ? Сережа смотрѣлъ на капитана изумленными глазами и отъ удивленія не могъ произнести ни слова.

— А въ какой она сторонѣ? спросилъ онъ наконецъ и вдругъ почувствовалъ, какъ забилося его сердце.

Капитанъ небрежно указалъ на сѣверь.

— Тамъ!.. сказалъ онъ.— Вотъ за этой горой!

Сережа посмотрѣлъ на гору. Что, если-бы можно было имѣть крылья, перелетѣть черезъ нее и завтра быть уже въ Швейцаріи?

И, полный охватившихъ его воспоминаній, онъ еще долго стоялъ у борта и смотрѣлъ на сѣверь.

А вокругъ него плавали лодки, раздавались пѣсни неаполитанцевъ и съ берега доносились звуки оркестра и веселые, смѣшливые голоса.

М. Б-скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНДРЮША.

Андрюша поздно возвращался домой и, проходя мимо избышки, въ которой жилъ его пріятель Глѣбъ, увидалъ въ ней огонь.

„Развѣ зайти къ нему?“ подумалъ онъ.

Уже шестая сутки лилъ дождь, повсюду было мокро и грязно и у Андрюши давно уже промокла спина и хотѣлось посушиться и посидѣть. вмѣстѣ съ нимъ шла и его любимая собака Норъ—большой, бѣлый песъ неизвѣстной породы. Этотъ Норъ всюду его сопровождалъ и отличался такой силой, что помогаль ему иногда таскать узы.

Андрюша вошелъ къ Глѣбу и сразу же остановился на порогѣ.

Глѣбъ неподвижно лежалъ на кровати; надъ нимъ, въ безсиліи опустивъ голову, сидѣла его мать и во всей избышкѣ было неубрано и не метено.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ въ тревогѣ Андрюша.— Что случилось?

Женщина подняла голову и отвѣтила:

— Умираетъ! Только вчера заболѣлъ, а сегодня уже не говорить ни слова.

— Что же у него болитъ?

— Горло...

У Андрюши когда-то, также въ двое сутокъ, умеръ его маленький братишка; тогда говорили, что это былъ дифтеритъ, и спѣшили

послать за докторомъ, но опоздали.

девять верстъ, за рѣкой, а мальчика оставить одного нельзя... А тутъ

— Что случилось? — спросилъ докторъ.

— Что же вы, тетенька, не позовете доктора? спросилъ Андрияша.

— Да кого послать-то? отвѣтила мать.— Докторъ живетъ отсюда за

еще все дождь и дождь...

Андрияша постоялъ немного у порога, о чемъ-то подумалъ и вдругъ быстро сказалъ:

— Я пойду сейчасъ за докторомъ! Я приведу его къ вамъ!

Не ждите меня. Скажи мамѣ, чтобы ужинали“.

— Андрюша! Андрюша! Проснись! Вставай!

И, доставъ кусочекъ бумажки и карандашъ, онъ написалъ къ своей сестрѣ Манѣ записку: „Глѣбъ боленъ, я побѣжалъ за докторомъ,

Онъ кликнулъ къ себѣ Нора, привязалъ эту записку къ нему на ошейникъ и вывелъ его на улицу.

— Бѣги, Норка, сейчасъ домой, сказалъ онъ, — и передай эту записку Манѣ! Я скоро вернусь!

Собака повиляла хвостомъ, поняла, лизнула его въ щеку и быстро скрылась въ темнотѣ.

Андрюша побрелъ по грязи въ больницу къ доктору. Было темно, ноги его скользили, но онъ выбиралъ такія мѣста, гдѣ росла трава, и старался идти по ней. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, на немъ все было мокро до самаго тѣла, но онъ не унывалъ и все шелъ и шелъ впередъ.

Вотъ темный лѣсъ, вотъ оврагъ, вотъ старый дубъ, сломленный грозой. Значитъ Андрюша прошелъ уже пять верстъ. Сейчасъ будетъ рѣка, онъ перейдетъ ее въ бродъ, пройдетъ еще версты три, — и передъ нимъ уже замелькаютъ привѣтливые огоньки земской больницы. Теперь отъ дождей рѣка стала глубже. Она теперь шумитъ и такъ скоро бѣжитъ, что нужно обладать особой устойчивостью, чтобы переходить черезъ нее въ темнотѣ.

Но вотъ уже и рѣка. На берегу стоитъ какой-то мужичокъ и тоже собирается переходить ее въ бродъ. Въ темнотѣ онъ похожъ на монаха или на большой пень.

— Дяденька, ты на ту сторону? обратился къ нему Андрюша.

— Да.

— Возьми и меня съ собой!

Они берутся за руки и благополучно переходятъ на другой берегъ. А дождь все идетъ и идетъ.

— Какъ бы не прорвало плотину на мельницѣ, говоритъ мужичокъ. — Тогда будетъ бѣда. Черезъ рѣчку обратно и не перейдешь... Сегодня утромъ я былъ

на мельницѣ, такъ тамъ воды — что твое озеро накопилось. Гляди, что плотину снесетъ!

Въ это время докторъ, со свѣчкой въ рукѣ, уставъ отъ дневныхъ трудовъ, приготовлялся уже ложиться спать и дѣлалъ послѣдній обходъ своей квартиры, чтобы поглядѣть, все ли заперто и все ли на своемъ мѣстѣ. Голова его была полна по обыкновенію думами о больныхъ и ихъ болѣзняхъ и онъ даже и не замѣчалъ, что уже шестая сутки идетъ дождь, и что кто-то уже шлепаетъ на дворѣ по грязи и приближается къ его крыльцу.

— Тукъ тукъ-тукъ!

— Кто тамъ?

— Это я, докторъ!.. Пришелъ за вами!

Докторъ поморщился и отворилъ дверь. Передъ нимъ былъ Андрюша.

— Что случилось? спросилъ докторъ.

— У Арефьевны изъ Говоровскихъ выселковъ заболѣлъ сынъ Глѣбъ, отвѣтилъ Андрюша. — Вчера только заболѣлъ, а сегодня уже умираетъ... Должно быть, дифтеритъ... Некого было послать за вами вчера, и вотъ я прибѣжалъ къ вамъ. Поспѣшите, докторъ!..

Видъ мальчика былъ настолько утомленный и отчаянный, что докторъ на минуту заколебался.

— Какъ-же ты перешелъ черезъ рѣчку? спросилъ онъ. — Развѣ вода еще не велика?

— Нѣтъ, докторъ, не велика... Я перешелъ черезъ нее въ бродъ! Поторопитесь, миленькій докторъ! Время не ждетъ! Арефьевна сказала, что Глѣбъ уже умираетъ.

Докторъ опять помедлилъ. Ему

не хотѣлось ѣхать такъ далеко и въ то-же время убѣжденный тонъ мальчика и его ужасный видъ говорили ему о томъ, что положеніе Глѣба опасно.

— Ну, хорошо!.. сказалъ онъ наконецъ. — Еще не совсѣмъ поздно. Поѣдемъ! Побѣги сейчасъ къ моему дворнику и прикажи ему осѣдлать для меня Ваську!

Онъ пошелъ къ себѣ одѣваться, Андрюша отправился въ темнотѣ шарить, гдѣ была сторожка дворника, и то и дѣло вступалъ въ лужи и пожимался отъ заливавшейся ему съ крыши за шею воды.

Скоро Васька стоялъ уже осѣдланнымъ у крыльца. Это былъ старый конь, едва таскавшій отъ слабости ноги, но докторъ ѣздилъ на немъ уже двѣнадцатый годъ, привыкъ къ нему и никакъ не могъ разстаться съ нимъ и замѣнить его другимъ.

Вышелъ докторъ, одѣтый по дорожному, и сѣлъ на Ваську. Тотъ отъ тяжести и отъ слабости покачнулся въ сторону.

— Садись и ты! приказалъ докторъ Андрюшѣ.

Андрюша тоже взобрался на лошадь, усѣлся сзади доктора, и они отправились въ путь. А дождь все еще лилъ, какъ изъ ведра. Тѣмъ временемъ вода въ рѣкѣ поднималась все выше и выше и достигла такой высоты, что пока Андрюша былъ у доктора и дожидался его, рѣка прорвала плотину и вышла изъ береговъ. Теперь это былъ уже не потокъ, а цѣлая разъярившаяся масса воды, которая мчалась впередъ и сносила и уносила всё на своемъ пути.

— Вотъ и рѣка!.. сказалъ наконецъ докторъ, взглядываясь въ

темноту. — Такъ ты говоришь, что только сейчасъ переходилъ ее въ бродъ?

— Да, отвѣтилъ Андрюша. — Съ какимъ-то мужикомъ. На самой серединѣ доходило по поясъ.

Докторъ направилъ лошадь въ воду.

— Но, но, Васька! крикнулъ онъ. — Не бойся!

Въ темнотѣ не было видно ничего. Лошадь въ нерѣшительности потопталась на мѣстѣ, зафыркала, въ страхѣ повела ушами и попятилась назадъ.

— Да но-же! крикнулъ на нее докторъ, дернулъ за уздечку и послалъ ее насильно въ воду. Васька послушно вошелъ въ воду и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Но едва только онъ достигъ середины рѣки, какъ его закрутило, завертѣло и стало относить въ сторону. Докторъ понялъ, въ чемъ дѣло, и хотѣлъ было повернуть назадъ, но въ это время Васька уже не касался ногами дна и, выбиваясь изъ силъ, сталъ барахтаться въ водѣ, насколько хватало у него умѣнья.

— Прорвало плотину! въ страхѣ воскликнулъ докторъ. Теперь мы погибли! Мой Васька старъ и едва-ли справится съ теченіемъ!

И онъ задергалъ за поводья и сталъ понукать Ваську, какъ только могъ.

Но старая, едва таскавшая ноги, лошадь окончательно выбилась изъ силъ и не удержалась, и ее властно и безнадежно понесло теченіемъ куда-то внизъ.

— Но, но! кричалъ въ ужасѣ докторъ. — Тпру! Не туда, Васька, не туда! Вотъ сюда! Но, но!..

И его испуганныя пону-

канья еще долго слышались въ темнотѣ сквозь шумъ проливного дождя, хлеставшаго по поверхности рѣки.

Десять минутъ спустя, лошадь окончательно выбилась изъ силъ и стала тонуть. вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположный берегъ сталъ обрисовываться во мракѣ ночи и для доктора и Андрюши не оставалось больше никакого сомнѣнія въ томъ, что если бы Васька везъ на себѣ кого-нибудь одного изъ нихъ, а не двоихъ, то у него все-таки хватило-бы силъ добраться вплавь до берега.

И Андрюша рѣшился. Онъ прыгнулъ съ лошади прямо въ воду и ухватился за поводъ.

— Что ты дѣлаешь? воскликнулъ въ испугѣ докторъ.

— Ничего, докторъ, отвѣтилъ онъ.—Направляйте коня прямо на берегъ! А я поплыву сбоку. Я ухватился за поводъ.

Почувствовавъ облегченіе, Васька тотчасъ-же собрался съ послѣдними силами и забарахтался въ водѣ, направляясь къ виднѣвшемуся берегу. Но въ это время случилось совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Онъ рѣзко мотнулъ головой, поводъ выскользнулъ у доктора изъ рукъ и Андрюша окунулся вмѣстѣ съ нимъ съ головой въ воду. Въ водѣ онъ разжалъ руку, поводъ выскользнулъ изъ нея и когда онъ снова выплылъ на поверхность, то и лошадь и докторъ были отъ него уже далеко.

— Сюда! Сюда! кричалъ ему докторъ—Плыви ко мнѣ!

Но что могъ сдѣлать Андрюша тамъ, гдѣ ничего не могъ сдѣлать конь?

Теченіе было велико, его вертѣло и относило внизъ. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но не смогъ, хотѣлъ повернуть назадъ, но это было невозможно. Громадная опасность представлялась его глазамъ и сердце его забилося отъ испуга. Напрягши все мускулы, вооружившись мужествомъ, насколько могъ, онъ заработалъ руками и ногами и въ то же время сталъ сбрасывать съ себя штаны, куртку и рубашку. Но бороться съ силой теченія теперь уже не имѣло никакого смысла. Онъ отчаянно взмахивалъ руками и всякій разъ чувствовалъ, какъ что-то обрывается у него въ груди. Дождь по-прежнему стегалъ его по лицу, но онъ упорно держался своего и старался во что-бы то ни стало побѣдить теченіе, которое уносило его въ пучину. Онъ понималъ, что долженъ былъ не терять ни одной минуты, иначе погибнетъ, и упрямо стремился добиться цѣли.

— Господи, спаси меня! молился онъ.—Не дай мнѣ погибнуть! На кого останутся мои мать и сестра?

Но что могъ сдѣлать маленькій одиннадцатилѣтній мальчикъ съ разъярившимся потокомъ! Онъ былъ слабой соломенкой, которую потокъ могъ унести, куда ему было угодно.

А въ это время съ берега слышался голосъ уже выбравшагося изъ рѣки доктора, который стоялъ гдѣ-то далеко, далеко на конѣ и только повторялъ:—Сюда! Сюда! Ко мнѣ!

Андрюша выбился наконецъ изъ силъ.

— Нѣтъ, не могу больше... сказалъ онъ и закрылъ глаза.

Блѣдный, истощенный, уставшій уже за дорогу къ доктору, онъ почувствовалъ вдругъ, что силы оставляютъ его, и лишился чувствъ.

Прибѣжавъ домой, Норъ встряхнулся и сталъ вертѣться около Мани, стараясь обратить ея вни-

спросила мать.— Неужели онъ такъ тяжело заболѣлъ, что надо было посылать за докторомъ? Андрюшато, Андрюша мой промокнетъ!.. Какъ-бы не простудился и онъ!

Онѣ поужинали и улеглись спать. Норъ тоже помѣстился въ сѣняхъ въ углу, но все время не могъ

— Направляйте коня прямо на берегъ! А я поплыву сбоку!..

маніе на то, что у него къ ошейнику была подвязана записка. Мани и раньше получала отъ Андрюши черезъ Нору записки, а потому скоро догадалась, въ чемъ дѣло, сняла съ собаки записку, прочитала ее и сообщила обо всемъ матери. Онѣ стали ужинать вдвоемъ.

— Что-же такое съ Глѣбушкой?

оставаться спокойнымъ. Онъ то вздрагивалъ и долго прислушивался къ шуму дождя, а то въ тоскѣ начиналъ скулить. Точно онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Подъ конецъ, онъ не выдержалъ, вскочилъ на ноги, встряхнулся еще разъ, еще разъ прислушался и понюхалъ воздухъ и затѣмъ бросился куда-то бѣжать.

Его бѣлая фигура мелькнула только вблизи, и потомъ утонула во мракѣ и скоро весь домикъ погрузился въ глубокой покой. Только слышно было, какъ шелъ дождь и стучалъ каплями по крышѣ и по листьямъ мокрыхъ, иззябшихъ деревьевъ.

Норъ побѣждалъ къ избушкѣ Арефьевны, обнюхалъ вокругъ нея землю, и найдя паги Андрюши, со всѣхъ ногъ побѣждалъ къ рѣкѣ. Отъ слѣдовъ пахло Андрюшей еще такъ сильно и свѣжо, что онъ бѣжалъ отъ нихъ въ сторонѣ и только иногда останавливался, прислушивался и чутко нюхалъ воздухъ.

Черезъ какія-нибудь двадцать минутъ онъ былъ уже у рѣки и въ самый тотъ моментъ, когда Андрюша уже выбился изъ силъ и, закрывъ глаза, предоставилъ себя своей судьбѣ. Почуявъ бѣду, Норъ залаялъ, завизжалъ и всѣмъ своимъ тѣломъ бросился въ воду. Онъ былъ легче лошади доктора и потому могъ свободнѣе держаться на водѣ. Онъ былъ сильнѣе Андрюши и потому могъ дѣйствительно ему помочь. Подплывъ къ Андрюшѣ, онъ нырнулъ, ухватилъ его зубами за поясъ, вынырнулъ снова, и, довольный, съ радостнымъ визгомъ поплылъ съ нимъ къ берегу. Выбравшись съ нимъ на безопасное мѣсто, онъ еще долго тянулъ его по травѣ, стараясь дотащить его домой, но подъ конецъ выбился изъ силъ и, высунувъ розовый языкъ, стрѣлой помчался къ Манѣ.

А въ это время на берегу уже собрались созванные докторомъ мужики, безуспѣшно шарили багромъ въ водѣ, суетились и вы-

сказывали предположенія, что мальчикъ уже погибъ, безнадежно.

— Что-же дѣлать? говорили они. — Такая уже ему планида, чтобъ утонуть въ рѣкѣ! На все воля Божья! Развѣ можно долго продержаться въ такой водѣ?

Пока мужики были заняты поисками, докторъ всю ночь провелъ у постели больного Глѣба. На сердцѣ у него было тяжело. Онъ во всемъ обвинялъ только одного себя, ненавидѣлъ себя за то, что не бросился въ рѣку самъ, чтобы помочь Андрюшѣ спастись, и то и дѣло прислушивался, не раздадутся-ли за спиной голоса крестьянъ и не послышится-ли разговоръ Андрюши.

А Андрюша въ это время лежалъ среди кустовъ на травѣ, далеко отъ рѣки, и постепенно приходилъ въ себя.

Маня видѣла уже второй сонъ, какъ вдругъ кто то дернулъ ее за рубашку. Она проснулась и увидала, что это былъ Норъ. Онъ схватилъ ее зубами за подолъ и потащилъ къ двери. Она хотѣла было на него прикрикнуть, но онъ многозначительно подбѣжалъ къ кровати Андрюши, поскулилъ на нее и затѣмъ снова потащилъ Маню къ двери. Она увидала, что кровать Андрюши была пуста, взглянула на часы, и испугалась: Андрюша давно уже долженъ былъ быть дома. Сердце у нея забилося. Она быстро одѣлась и, боясь, какъ бы не проснулась и не встревожилась ея мать, тихонько вышла изъ дома. Норъ снова схватилъ ее за подолъ и потащилъ ее за собой.

Брезжило утро. Гасли и меркли одна за другой звѣзды. Дождь

уже пересталъ и разорванныя тучи клочьями ползли по небу, кое-гдѣ желтоватому отъ начинавшагося разсвѣта. Въ низинахъ стоялъ сѣдой туманъ, и деревья казались точно покрытыми лакомъ отъ массы висѣвшаго на нихъ дождя. Предчувствуя недоброе, Маня чуть не бѣгомъ бѣжала за Нормъ, ступала то въ воду, то въ грязь и отъ утренней сырости и отъ страха дрожала всѣмъ тѣломъ. А Нормъ все тянулъ ее изъ всѣхъ силъ впередъ.

Такъ они пробѣжали версты четыре. Почти совсѣмъ уже разсвѣло и галки то поодиночкѣ, то парами стали пролетать изъ края въ край высоко надъ лѣсомъ. Затѣмъ дѣвочка съ собакой свернули въ сторону и пошли уже прямо по мокрой травѣ, оставляя на ней ярко-зеленый слѣдъ. Не доходя до рѣки, Маня вдругъ увидела Андриюшу. Онъ все еще лежалъ на травѣ, мокрый, но уже теплый, несмотря на то, что былъ безъ рубашки и безъ сапогъ. Нормъ радостно залаялъ, улегся съ Андриюшой рядомъ и сталъ его лизать. Маня въ испугѣ опустила передъ братомъ на колѣни и стала плакать.

— Андриюша! Андриюша! залепетала она.—Проснись! Вставай!

Онъ открылъ глаза и съ удив-

леніемъ посмотрѣлъ на сестру. Потомъ, точно сообразивъ и понявъ, въ чемъ дѣло, онъ улыбнулся и приподнялся на локоть... Она быстро сняла съ себя шаль и набросила ее ему на плечи. Почувствовавъ пріятную теплоту, онъ приподнялся бодрѣе и вдругъ засмѣялся: радость жизни наполнила его всего и ему вдругъ захотѣлось смѣяться, прыгать, рассказывать о докторѣ и о себѣ, и то, что ему пришлось такъ недавно пережить, казалось ему теперь страшнымъ, но уже миновавшимъ безслѣдно сномъ.

Взошло солнце, и зашѣли птицы. Маруся взяла Андриюшу подъ руку и повела его тихонько домой. Впереди шелъ Нормъ и съ самодовольствомъ помахивалъ хвостомъ.

Двѣ недѣли спустя, Андриюша и Глѣбъ уже играли вмѣстѣ на лугу у дороги. Около нихъ лежалъ Нормъ и слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Вдругъ по дорогѣ проѣхалъ всадникъ. Онъ узналъ мальчиковъ и весело закивалъ имъ головой.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? крикнулъ онъ имъ съ дороги.

— Отлично, докторъ! крикнулъ ему въ отвѣтъ Андриюша и замахалъ ему фуражкой.—Счастливаго вамъ пути!

К. Тр.—

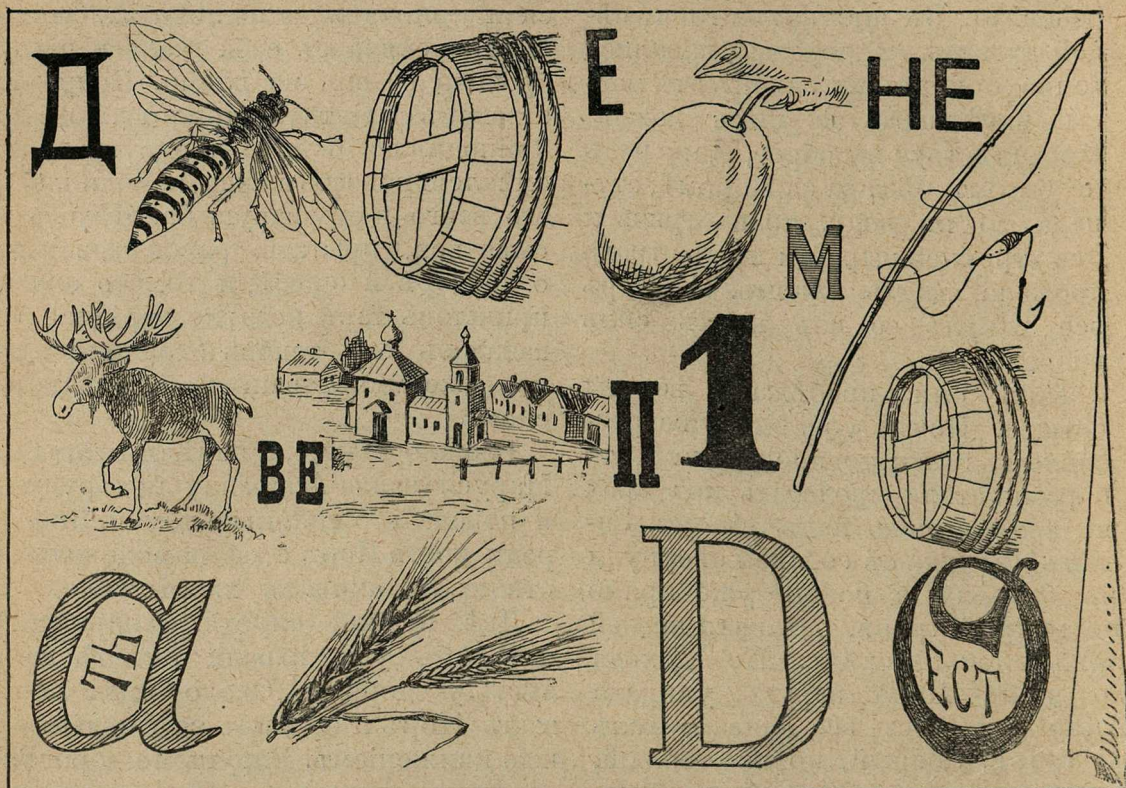
Рѣшеніе головоломки и ребуса № 3, помѣщенныхъ въ № 3, «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Оба стояли лицомъ другъ къ другу. II. Птичка божія не знаетъ ни заботы, ни труда. III. Муха, Тараканъ, Соловей—Муравей. IV. Когда она во время движенія курьерскаго поѣзда летитъ въ вагонъ впередъ. V. По землѣ. VI. Коверъ, квасъ, молоко, соколъ, сорока, вакса. Задуманные слова: Москва, Орель. VII. За столомъ. VIII. Собака, Родина, Кавава—

Сорока, Кавава. IX. Сто рожь=сторожь. X. Я самъ. XI. Одинъ изъ мальчиковъ взялъ себѣ гривенникъ вмѣстѣ съ кошелькомъ. XII. Корона, сорока, сова, сосна, весна, воскъ. Задуманная фамилія—Некрасовъ.

Ребусъ № 3. Г+ромъ+а+дно+е+с+у+дно+ +бр+оса+ло+воль на ми+и+разъ+ру+шило+о+м+ель=Громадное судно бросало волнамъ и разрушило о мель.

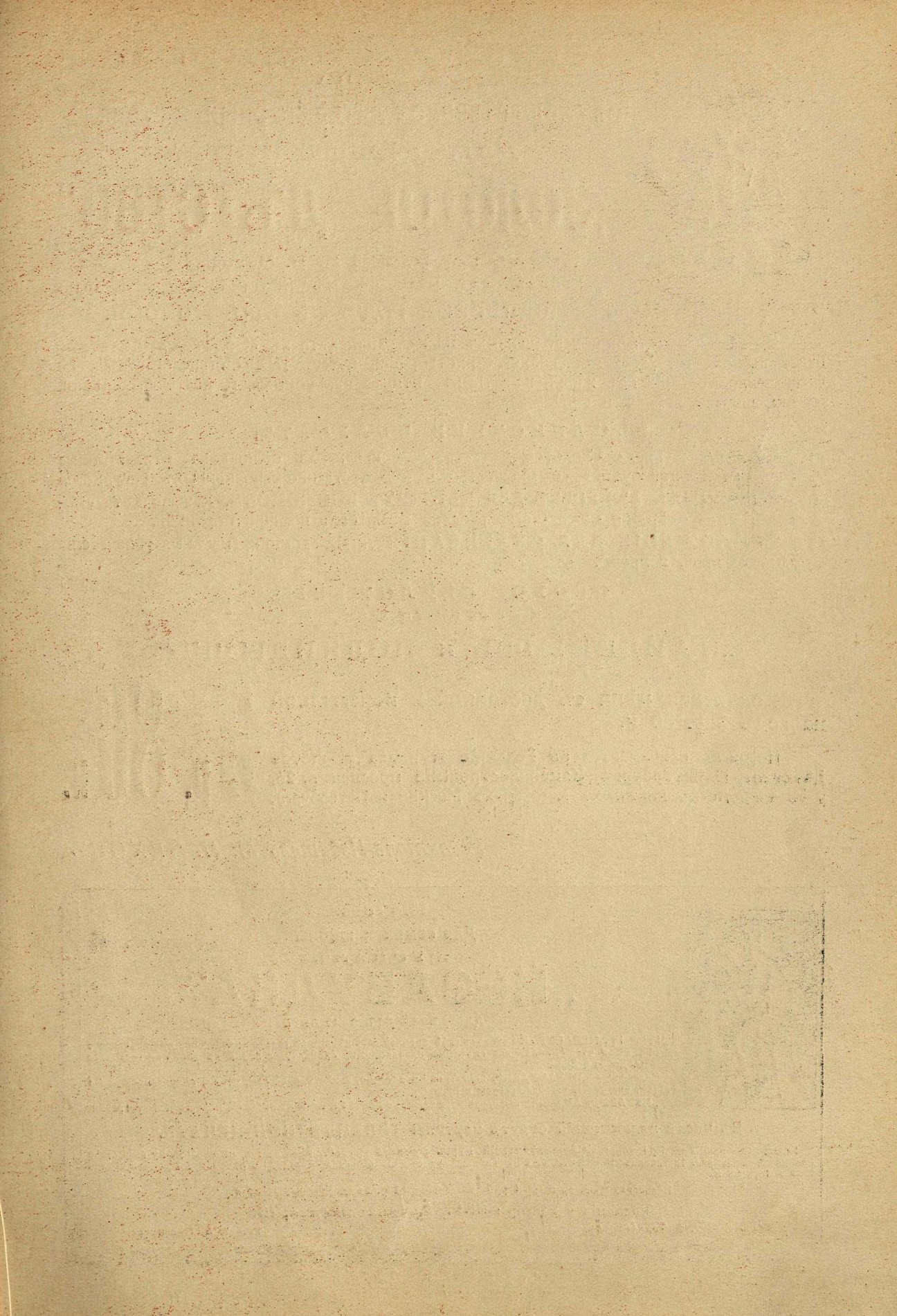
Ребусъ № 5.

(Фамиліи подписчиковъ приславшихъ вѣрныя рѣшенія, будутъ напечатаны).

Вѣрныя рѣшенія прислали: Георгій Вишневскій, Лида Уракова, Павелъ Бушковъ, Сема Турцу, Жака Эспозито, Вита Вейсбергъ, Толя Вейсбергъ, Ляля, Зоя, Валя и Тотикъ Табенцкіе, Игрушечка Толмачевъ, Варя Янченко, Мальчики Германовы, Ляля Калфаянъ, Коля и Зина Сироткины, Мара и Эрикъ Берендсонъ, Зоя и Женя Земскіе, Геня и Боба Запольскіе—Довнаръ, Лида Вельтманъ, Коля Сироткинъ, Нюра Высоцкая, Боря и Зоя Соловѣнокъ, Георгій Огаревъ, Шура, Маня, Леля, Зоя, Сережа и Толя Тропскіе, Варя Пѣвцова, Миша Пѣвцовъ, Игорь Соловѣвъ, Леня Смирновъ изъ Плесса, Ниша и Маруся Безиргановы, Коля Довгай, Маргарита, Руся и Кируся изъ Верховья, Ваня Весмавъ, Андрей Дикій, Коля и Шура Борсенко, Анастасія Старостина, Галя Станкевичъ,

Нина Иванова изъ Тамбова, Лида и Валя Ивановы, Вая и Ната Шимрицкія, Володя Логотовъ, Евгений Антроповъ, Варя Избашъ, Коля Краузъ, Лѣсной Свѣтлячокъ, Иванко Медвѣженокъ, Лиза Петрова, Нина Кашубская, Левъ Кедровъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Сережа и Кира Бартеневы, Юрій Виноградовъ, Мира Оранъ, Маня и Клава съ мамой Павличенко, Леня Березовскій, Виссаріонъ и Ираклій Мирзаевы, Аня Пѣснопѣвцева, Таня и Галя Поярковы, Коля Баскаковъ, Петя Шестаковъ, Нада Астафьева, Гриша и Роза Гинзбургъ, Кароликъ Рудзинскій, Леля Мупсикъ и Таня Тупсикъ, Катя Бѣлкина, Валя Шавердовъ, Лека Чистовичъ, Таня Мурина, Сергѣй, Андрей и Юрій Павильоновы, Дагмара Гиссеръ, Ваня Юдинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

1914 годъ.

Для семьи и школы
ЖУРНАЛЪ

„НЕЗАБУДКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 8—12 ЛѢТЪ.

Редакція „НЕЗАБУДКИ“ ставитъ себѣ задачей дать дѣтямъ не только интересное, художественное чтеніе, но и чтеніе, обвѣянное свѣтлымъ идеализмомъ, проникнутое вѣрой въ конечное торжество Правды, Добра и Любви.

Содержаніе „НЕЗАБУДКИ“: бесѣды съ читателями, повѣсти, рассказы, стихи, популярно-научныя статьи, анекдоты, загадки, ребусы и проч.

„НЕЗАБУДКА“ будетъ выходить книжками, не менѣе 4 печатныхъ листовъ, хорошо иллюстрирован.

Въ числѣ иллюстрацій будутъ картины ТРЕХЦВѢТНОЙ ПЕЧАТИ.

Безплатная премія на 1914 годъ: „Систематическій курсъ ручного труда“. Руководство по свободному вырѣзанію изъ цвѣтной бумаги. 18 таблицъ ВЪ КРАСКАХЪ. Таблицы удостоены мал. зол. медали. Въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить 1 р. 50 к.

Подписная цѣна за годъ—4 руб. за полгода—2 р. 25 к. Пробный № 30 к.

Редакція и контора: СПБ., Артиллерійская, 10.

Ред.-над. прот. А. Темнобровъ.

Редакт. А. Платонова.